

В одной из случайных книг он нашёл упоминание о демонах. Там говорилось, что на горе Чжаояо запечатаны восемь демонов, которые должны исчезнуть со временем. При жизни эти твари обладали огромной силой, и для их заточения потребовались невероятные усилия. Далее следовало объяснение о самих демонах и способах их печати.

Жун Би не понимал, что с ним происходит. Едва взяв книгу в руки, он почувствовал, будто она принадлежит ему. Ему нравился почерк — текучий и полный внутренней силы. Содержание напомнило ему строки из трактата о поэзии, которые идеально подходили для описания этой книги: «Словно золото, выплавленное из руды, словно серебро, очищаемое от свинца. Высшая работа духа, свободная от всего лишнего. Как весенний поток в пустом пруду, как древнее зеркало, отражающее душу. Чистая сущность, хранящая непорочность, возвращающаяся к истине под луной. Взирая на звёзды, воспеваю отшельника. Сегодняшний поток — вчерашняя луна».

Позже, перечитывая текст внимательнее, он обнаружил на полях два малых иероглифа, похожих на подпись: Чжо Юнь. Он не знал, чьё это имя, но сердце его дрогнуло.

Он решил отправиться на гору Чжаояо, чтобы во всём разобраться. Собрав необходимое, он поставил в известность Жун Хуэй. Хоть он и находился на землях старого двора, Жун Би успел расставить там своих людей. Те собрали для него нужные вещи, и с ними он отправился к горе Чжаояо.

Объезжая толпы беженцев и следуя указаниям из книги, он верхом добрался до подножия горы. Десять дней пути истощили его силы до предела, но он всё ещё горел энтузиазмом. Он отдавал себе отчёт в безумии своего предприятия, но жаждал продолжать. Ему нестерпимо хотелось найти связь с тем, кто написал эти строки, и узнать всё о его жизни.

Когда он наконец достиг горы Чжаояо, лицо его было белым как мел, а дыхание — тяжёлым. От усталости и долгой езды он едва держался на ногах. Пройдя некоторое время, он увидел хижину. Внутренний голос подсказал, что там ему помогут. Он постучал. Дверь открыла женщина, а рядом с ней стоял ребёнок лет пяти — милый мальчуган. Женщина смотрела настороженно:

— Что привело вас сюда, господин?

— Я хочу подняться на эту гору, — ответил Жун Би.

Женщина испугалась:

— Там водится страшный зверь.

— Благодарю за предостережение.

Жун Би говорил так слабо, что едва не пошатнулся. Женщина, проникнувшись сочувствием, сказала:

— Вы выглядите совсем измождённым. Мой дом убог, но не считите за труд отдохнуть в нём.

Жун Би поклонился, и женщина впустила его. Он был так измотан, что проспал целые сутки.

Проснувшись, он увидел того самого мальчика рядом с собой. На душе было непривычно спокойно, прежняя лихорадочная тревога куда-то исчезла. Он спросил ребёнка:

— А где твоя мама?

— Мама ушла в гору за травами, скоро вернётся, — пропищал мальчик. — Дядя, ты плохо себя ведёшь, раз такой больной, а сам скитаешься.

Жун Би задумался о своём безумстве:

— Да, на этот раз я вёл себя неподобающе.

Мальчик продолжил:

— Мама оставила еду в котле, я принесу.

Он принёс лепёшку — простую пресную пищу. Жун Би окинул взглядом жилище — настоящая бедность. Вскоре вернулась женщина:

— Вы проснулись.

Жун Би поднялся. Цвет лица почти вернулся, лишь лёгкая бледность — врождённый недуг, с которым он ничего не мог поделать — осталась.

Женщина предложила:

— Выпейте ещё чашу этого отвара.

Жун Би выпил горькое снадобье до дна. Женщина забрала пустую чашу, а он поблагодарил её и попытался вручить несколько ценных вещей. Та поспешно отказалась:

— В военное время всем тяжело. Приберегите это для себя.

Жун Би не стал настаивать и молча убрал подарки. Затем спросил:

— Я прежде лишь читал, что «тирания лютей тигра», но теперь увидел это своими глазами.

Женщина ответила:

— Когда маршал Хуа Шэн провозгласил себя императором, он обложил народ непомерными налогами. Наша семья когда-то жила в достатке, но под бременем поборов нам пришлось бежать в горы. Сперва мы боялись зверей, но когда маршал ввёл даже налог на рот для семилетних детей, многие, не в силах заплатить, душили своих детей или обменивались ими, чтобы выжить. То, что творится внизу, страшнее любого горного хищника. Я читала исторические хроники, но не думала, что сама испытаю на себе, сколь жестока бывает тирания.

Сердце Жун Би сжалось — ведь и он приложил руку к тому, чтобы мир дошёл до такого состояния. Женщина продолжила:

— Слышала, при новом дворе жить легче. Но нам, простолюдинам, не добраться туда.

Жун Би подумал, что раз Хуа Шэн мёртв, а неопытный Хуа Си вряд ли удержит власть, его отец, должно быть, уже пользуется моментом. Именно поэтому он и пришёл на гору Чжаояо.

— Быть может, мир снова переменится, — сказал он.

Женщина вздохнула:

— Кто знает, к лучшему ли.

Жун Би не нашёлся, что ответить, и перевёл разговор:

— Горные звери опасны. Я, хоть и нездоров, но кое-что смыслю в боевых искусствах. Если обучить мальчика хотя бы основам, он сможет защитить вас с матерью. Считите это благодарностью.

Женщина была тронута. Жун Би изложил основы техники, и та, обладая феноменальной памятью, повторила всё без ошибок. Он также начал обучать мальчика, и тот оказался прирождённым талантом. Жун Би остался доволен и твёрдо решил идти в гору.

Горная цепь тянулась далеко, а в центре её высилась пирамидальная вершина, упирившаяся в облака. Именно туда лежал его путь.

Перед уходом он попрощался с матерью и сыном. Тут он вспомнил, что так и не спросил их имён. За эти дни всё как-то не до того было.

— Меня зовут Жун Би. А как ваши имена?

Женщина, до того скрывавшая их, решила открыться:

— Меня зовут Фэн Чаохэ. Я из побочной ветви семьи Тайши, что была истреблена. Вышла замуж за местного чиновника, но после войны родня мужа бежала, а мы с сыном остались. Хуа Шэн обобрал нас до нитки. Мы пришли сюда с другими беженцами, но все они разбежались, твердя, что гора проклята. А мы с сыном остались. Думала, если зверь сожрёт — такова судьба. Но вот уже несколько лет живём спокойно. Сына зовут Чжунли Цэ. Увы, с самого рождения он знает лишь лишения.

Жун Би подумал, что, возможно, Фэн Минлан привела его сюда, зная, что здесь Фэн Чаохэ. Помогая им, он не только возвращал долг, но, быть может, исполнял волю небес — давал угасающей ветви рода Тайши шанс продолжиться.

Перед уходом Жун Би всё же оставил им немного денег. Гора Чжаояо оказалась для него не столь опасной. Он шёл день и ночь, но не встретил ни опасных зверей, ни ядовитых тварей. Путь, который должен был быть долгим, почему-то показался коротким. Всего за сутки он достиг подножия главной вершины.

Он стоял у исполинской скалы, вздымавшейся к облакам, и оглядывался на пройденные хребты. Он понимал: если бы на горе не было ничего сверхъестественного, он бы всё ещё блуждал среди ущелий. Но сейчас он явно нарушил обычный порядок вещей, словно шагнул в иную реальность.

Он смотрел на эту устремлённую в небо вершину — гладкую, словно отёсанную топором, грозную и неприступную. Жун Би понимал: даже если это иллюзия, без исключительного мастерства в лёгкой технике «след дикого гуся на снегу» наверх не подняться. Он подумал: как же тогда забралась сюда Фэн Линхуэй?

Обходя скалу, он вдруг обнаружил у основания несколько каменных молотков, которые можно было зажать в одной руке. Их рукоятки были переломлены, а сами они лежали тут, забытые. На обухах застыли тёмные пятна засохшей крови — видимо, пролежали они здесь долго. Жун Би

взглянул на скальную стену и увидел, что через каждые несколько чжанов в ней были пробиты углубления, куда можно было поставить ногу. Сердце его ёкнуло. Гора вздымалась до небес, камень был твёрд как железо. Взрослому мужчине было бы не под силу такое. А она, девочка лет десяти... Какая же ненависть гнала её вперёд, заставляя проливать здесь пот и кровь?

<http://bllate.org/book/16277/1465556>